

Алексей Сальников

Сальников Алексей Борисович родился 7.08.1978 в городе Тарту ЭССР. С 1984 г. жил в поселке Горноуральский Свердловской области, с 2005 по 2006 г. жил на даче у Евгения Туренко. Публиковался в различных российских журналах. Автор книг «Стихи» (Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004), «Людилошади» (Нижний Тагил, 2007), «Нижний Тагил», роман (Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004). Лауреат премии «ЛитератураРентген» (2006). Участник АСУП-2,3. Живёт в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов А.С.

Традиции, направления, течения: модернизм, футуризм, сюрреализм, постмодернизм, метареализм (метаметафоризм).

Основные имена влияния, переключки: В. Хлебников, О. Мандельштам, И. Бродский, А. Еременко, В. Кальпиди.

Основные формальные приемы, используемые автором: ассоциативность, метафоризм; игровые стратегии; поток сознания; интертекстуальность; самоирония; словотворчество.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: поэзия; зима, снег; состояние темноты; свет; небо; лес; деревья; звери; стекло, зеркало; прозрачность; пустота; время; печаль; поезд; математика.

Творческая стратегия: острое переживание пространства (географического и культурного) и времени; попытка подменить их конфликтность поэтическими эвфемизмами.

Динамика: стихи 3-го тома логично развивают тенденции, намечившиеся в стихах 2-го тома, однако все очевиднее становится влияние И. Бродского – как в метрическом плане, так и в плане тематики. Ведущей темой становится тема времени и его разрушительного воздействия на человека и мир. Ведущая интонация стихов – элегическая. Описание становится более конкретными, ак-

туализируется бытовой ракурс, который тем не менее не заземляет лирическое высказывание, но придает ему конкретные очертания.

Коэффициент присутствия: 0,75

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ (А.С. О СЕБЕ)

Жил в городе Усть-Катер на Вые, в том же доме, что и я, один добрый человек, и был он простым инженером по технике безопасности на УКМК, и увлекался он такими невинными вещами, как чеканка по металлу, выжигание по дереву и аппликация из цветной проволоки. И его мать говорила ему, пока была жива: «Не видать мне при такой жизни моих внуков, сынок, потому что женщины отдаются таким, как ты, только в браке, но рожают не от таких, как ты, а от других мужчин, но это еще полбеды, я согласна нянчить и чужого, да откуда же ему и такому-то взяться, если нет у тебя даже на примете ни одной невесты. Пусть проклятие падет на мою голову за то, что я отобрала у тебя сигареты в первом классе и отдала в авиамодельный кружок, вместо спортивного. Уж нашел бы ты себе кого-нибудь из деревни, чтобы без претензий».

И то правда, когда мать его умерла, женился этот человек на девушке из деревни, а через год жена от него ушла, потому что решила, что нравятся ей мужчины, похожие на Владимира Семеновича Высоцкого, тогда как он ходил, скорее, на сына Высоцкого, то есть был он никакой, да еще из тех, что по телевизору смотрят только прогноз погоды (а знал бы ты, юноша, каким в то время был прогноз погоды, не на что посмотреть). Я, конечно, показываю себя змеем неблагодарным, что так говорю о своем добром соседе, ибо когда у моей доброй матушки бывала ночная смена, я ходил к нему ночевать, но матушка ему, кажется, за это платила, так вот, в конце концов, я понял, что уж пускай все виденные мною покойники собираются по ночам подле моей кровати и смотрят на меня с укором за то, что я не решаюсь открыть глаза, чтобы смело взглянуть в их бледные лица, или пускай кто-нибудь из них всю ночь караулит, когда я пойду по нужде, чтобы схватить меня за лодыжку из-под кровати, но в квартиру этого человека, увешанную чеканкой и мозаикой, я больше не вернусь, поскольку уж лучше чувствовать, что ты живой, и покойники желают до тебя добраться, чем проснуться среди ночи в жилище, где все словно говорит, что ты уже умер, и наполные часы бьют каждый час, а в изножье кровати поблескивают, выдвинутые по металлу: ассирийская красавица в профиль, девушка с волосами из

листьев, и тем больше кажешься себе мертвым от того, что все эти чеканки, мозаики, доски – аккуратно, каждый божий день, протираемы от пыли, а сосед не только не храпит, но даже не ворочается во сне, даже дыхания его не слышно.

По этой же самой причине, по которой я не пожелал у него ночевать, ушла от него и вторая жена. Она тоже была из деревни, и было у нее двое детей с собой, и, казалось бы, что в ее-то случае привередничать никак даже нельзя, и родила она соседу сына к тому же, добавив третьего к своим двум, но получилось именно так, как получилось. Не вынесла бедная женщина угнетающей обстановки соседова жилища и ушла в заводское общежитие, даже не пытаясь как-то посудиться и разменять жилье, как делают это всякие решительные гурьи по менее серьезным причинам. И даже не стала вторая жена соседа просить половины его жалованья на ребенка, а сосед, в свою очередь, не пытался своего ребенка забрать или выцарапать какой-нибудь особый день на общение и не ломал дверь ее общажной комнаты в порывах одновременно любви и ненависти, на которые столь падки мужи в наших краях, если охватят их винные пары. Что с первой женой, что со второй и ее детьми, что со второй и ее детьми и своим ребенком, что без первой жены, что без второй жены и детей – жил сосед все так же, лепил свои аппликации, выжигал на досках, чеканил по металлу, не пил, не курил, смотрел прогноз погоды, ложился спать в одиннадцать часов или даже раньше, но однажды пришел к нему ангел смерти и сказал: «Не курил ты, не пил, даже от дурной болезни был застрахован своим почти что воздержанием и образом жизни, но посмотри, до чего забавно – ты переходишь дорогу на зеленый свет, а тебя сбивает не вполне трезвый водитель молоковоза, и дадут ему за это три года условно, потому что на работе его ценят и уважают, и написали ему хорошую характеристику, а еще у него любящая его жена и любящая его дочь. Так что выходит, что вся твоя жизнь с твоими радостями, горести мы даже считать не будем, чтобы совсем уже счет не попортить, словом, вся твоя жизнь – это три года условно нормального человека». «Да у нас тут всегда так, – возразил сосед. – У нас, как правило, дают за сбитого человека условные сроки, у нас даже поговорка есть: не смотри на светофор – смотри на дорогу, светофором еще никого никогда не сбивало». Ангел помолчал и ответил: «Не равняй промысел и Уголовный кодекс, ибо они всегда расходятся, и только в твоём случае справедливо сошлись воедино. Посмотри на весы, где должны лежать твои добрые и злые дела, что ты видишь?». «Ничего не вижу», – ответил сосед. «Правильно, – сказал ангел, – ибо не совершил ты в своей жизни ни добрых ни злых дел». «Нет,

я и весов никаких не вижу, потому что у меня близорукость, а очков здесь нет». «Дело не в близорукости, – отвечал ангел. – Дело в том, что в собранном состоянии они весят две с половиной тонны, а тащить их в такую даль ради того, чтобы показать тебе две пустые чаши, не имело смысла». И унес ангел смерти соседа в земли, откуда нет возврата.

На похороны люди, конечно, собрались, но пили за помин его души как-то вяло, некоторые сотрудники УКМК, по долгу службы пришедшие проводить покойника, еще были под впечатлением от недавних похорон пожилой вахтерши, которые начались просто как какая-то свадьба с аккордеонами, а закончились массовой дракой старых друзей покойной – ветеранов Второй мировой войны, работников тыла и бывших узников концлагерей. Вторая жена, которая рулила похоронами кинутого мужа, сказала в сердцах: «Грустно людям, когда они видят, что живой человек, который бегал, прыгал, шутил и смеялся лежит и не шевелится, а в случае с моим благоверным даже странно желать ему упокоиться, ведь теперь, когда он вызвал вокруг себя столько суеты с этими всякими бумажками, людьми из ГАИ, людьми из профкома, оркестром – кажется даже как бы живее, чем был при жизни». Все с ней согласились.

И тут бы история кончилась, если бы не жила в нашем городе женщина, которая могла стать третьей женой соседа, но так и не стала. А не стала она третьей женой соседа, потому что была она сама, как сосед, разве что не жгла по дереву, а увлекалась макраме, не чеканила по металлу, а шила мягкие игрушки, всяких котятков и мишуток, не делала аппликаций из цветной проволоки, а собирала фарфоровые статуэтки и календарики, т.е. понятно, что будь у нее чуть больше тестостерона в крови, мир бы смог полюбоваться на такого маньяка, пред которым Жиль де Рэ казался бы просто кротким сияющим агнцем с мелкими кудряшками и фланелевой мордочкой. Она пыталась дарить сшитые своими руками игрушки детям знакомых, но те игрушек боялись, подсознательно видя в очертаниях мишек и котятков очертания внутренних человеческих органов – сидячие игрушки походили на сердце, а лежачие – на печень.

Так вот, эта женщина любила моего соседа с первого класса и очень плакала, когда он умер. Она ведь беспрерывно крутила у себя в голове, как все могло быть, если бы она призналась, если бы они поженились, если бы у них были дети. А поскольку работала она в районном ЗАГСе, то, словно осуществляя свою мечту, она сделала себе документы, как будто она уже замужем за соседом, а еще, проявив немного хитрости, связей и опять же воображения, как бы резвясь и играя, что де-

А.С., 2002 г.

лает паспорт хорошему знакомому, получила клон от паспорта соседа и поставила туда штамп о его с ней браке.

Трудно описать то удивление, которое испытала первая жена соседа, когда всячески зачморив вторую жену, она попыталась заполучить квартиру, чтобы искать человека, похожего на Владимира Семеновича Высоцкого, выходя в рейды на мужчин из тихой гавани собственного жилья, и обнаружила, что существует еще одна соперница и мировой суд как раз на стороне соперницы, поскольку все ее документы в порядке, и сама соперница, в отличие от второй жены, полна желания заполучить метры, которые для нее дороги как память и даже как фетиш, и вообще, любительница календариков и фарфоровых статуэток держится за все, связанное с соседом, чем только можно. Далее последовал обмен любезностями в ритме шахмат с часами. Любительнице календариков и статуэток угрожали какие-то мрачные типы, а точнее – двоюродный брат первой жены, только что вышедший из тюрьмы, и его дружки; любительница профессионально поменяла замки в квартире соседа, вселилась туда и плакала по ночам в обнимку с отчеканенной на металле полуголой девицей, в которой почему-то узнала себя; двоюродный брат и его дружки писали на ее дверях всякую похабщину, пока их не посадили в тюрьму за грабеж, а первая жена неустанно распускала сплетни о второй жене и о любительнице календариков; любительница календариков, в свою очередь, слала на работу первой жене всякие жалобы и справки из вытрезвителя, которых она, опять же по знакомству, раздобыла целую гору, и

сделала через это жизнь первой жены столь невыносимой, что та укатила в деревню, к корням, и работать дояркой ей уже было не так страшно. Тут все выяснилось, и любительница календариков отправилась вслед за двоюродным братом первой жены и его дружками – шить не мишек и котиков, а рукавицы. Вторую жену долго умоляли вселиться на причитающуюся ей и ее детям жилплощадь, поскольку – это роскошь – иметь две квартиры в то время, когда мест в общежитии и так не хватает. Вторая жена согласилась въехать туда, но только при условии, что из квартиры вынесут все подчистую – и аппликацию, и доски, и мягкую игрушку, и макраме, и календарики, и всю чеканку за исключением одной, где все ее дети сидят вместе, эту чеканку сосед перенес с фотографии через несколько месяцев после того, как вторая жена и дети от него ушли.

Видя, как все хорошо получилось, ангел смерти обрадовался и пошел к соседу, передал в нескольких словах, что там произошло и сказал: «Вот весы. Одно доброе дело ты сделал, дал крышу над головой бедной вдове. Конечно, ты при этом умер и сам сделал ее вдовой, и это всего один поступок, но и его достаточно, чтобы отправить тебя в место получше этого. И да, почему ты ничего не сказал про то, любишь их всех, ну, семью свою вторую?». «С чего ты взял, что я кого-то люблю?» – спросил сосед. «Чеканка с детьми. Она ее, кстати, оставила, хотя все остальное выбросила подчистую», – ответил ангел. «Сурово», – сказал сосед, а потом спросил: «Скажи, а в том месте, куда ты хочешь меня отвести, есть выжигатели по дереву, доски, лак, цветная проволока?». «Там все есть, несчастный», – ответил ангел. «Тогда отнеси, пожалуйста, свои весы туда, обмотай их цветной проволокой, прикрепи к ним, весам и проволоке, самую большую доску, какая там только найдется, выжги на ней надпись, покрой лаком и забей это все себе пониже крыльев, потому что я с тобой куда не пойду, потому что мне и здесь хорошо, потому что лучше того портрета я все равно ничего не сделаю, дай мне хоть миллион лет и миллион медных листов». Ангел рассмеялся и спросил, уходя: «Какую надпись ты бы хотел, чтобы я выжег на той большой доске, если я вдруг сподоблюсь поступить так, как ты мне посоветовал?». «Человек может любить больше жизни и не показывать этого», – ответил сосед. – «Хотя нет, выжги лучше "ЗДЕСЬ БЫЛ ЮРА"». «Но ведь ты не Юра», – сказал ангел. «Но ведь и ты ничего не выжжешь и не забьешь», – ответил сосед и отвернулся.

ЕВГЕНИЙ ТУРЕНКО О А.С.

Теперь кажется совершенно непонятным – как он на протяжении немалого времени сохранял

А.С., Тарас Трофимов, Василий Чепелев, участвуют в слэме, Екатеринбург, 11.04.2009 г.

почти что полное «инкогнито», достаточно систематически и активно участвуя в литтусовках Нижнего Тагила и Екатеринбурга на протяжении более десятка лет...

Первое его появление (кажется – весной 2001-го) было почти придуманным – то есть, я (Е. Туренко) преподавал в индустриально-педагогическом колледже предмет МХК (мировая художественная культура), где самовольно ввёл раздел «Стихосложение», и вот каждый учащийся, по моему хотению и наущению, вынужден был сочинять стихи. Некоторые пытались что-то изобразить, другие приносили то Есенина, то Ахматову... Саша Гридин из посёлка Горноуральский преподнёс довольно странные тексты, явно самодеятельного сочинения. Поставив две пятёрки, я предложил ему выдать автора в обмен на зачёт по итогам учебного года. Через какое-то время пришёл Лёха Сальников (так он представился, и долго потом я уверял его в том, что это неправда...).

Он весьма быстро почувствовал – что и как надо читать и писать – учить его не приходилось. Но и нелюдимость свою он хранил люто, жил – то в Горноуральске, то у меня на даче, то неизвестно где и с кем... Работал иногда, но не помню где... Образование с его слов – 2 курса сельскохозяйственной академии. Попытка устроить Сальникова к Юрию Казарину на факультет литературного творчества закончилась безрезультатно – проучился один семестр. Время было весьма нетрезвое, но и тут он оставался почти совсем безучастным. Впрочем, с Еленой Михеевой свела его, именно, пьянка... Помню, над ними долго и довольно нехорошо посмеивались, но они, словно наперекор, остаются вместе до сего времени. При кажущейся чудовищной лени и нарочито самовольной bestолковости, Сальников с непременным и вполне заторможенным постоянством издаёт стихи и прозу, иногда безуспешно участвует в литконкурсах.